

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЮМЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
"ВСЕМИРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС"

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.

Культура и культурное наследие в современном мире;
археология и изучение культурных процессов и явлений;
этнография и изучение культурных процессов и явлений.

Материалы к конференции

ЧАСТЬ II

АРХЕОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЯВЛЕНИЙ

Санкт-Петербург

1993

ленная, но представляющая заметное явление: при полном отсутствии на других участках бассейна Средней Печоры, здесь она обнаружена в 5 пунктах.

В верховьях бассейна отмечен керамический комплекс, типологически приемственный с западно-ванвиздинскими комплексами рубежа тысячелетий на Верхней Вычегде. Существенное обстоятельство: эта керамика (группа IO) найдена в Верхнем Припечорье в единичных экземплярах и на памятнике особенного типа — в пещерном святилище.

Керамика группы 9, свидетельствующая о контактах печорского населения с населением Большеземельской тундры, очень заметна среди находок в северо-восточной (бассейн р.Усы) и северо-западной части (р.Цильма) бассейна, но и очень малочисленна.

Контакты Припечорья с Вычегодским бассейном отражены в керамических и вещевых комплексах наиболее очевидно.

О.Б.Беликова
(Томск)

К ВОПРОСУ О СОЖЖЕНИИ ЛОШАДИ НА СРЕДНЕМ ЧУЛЫМЕ

В материалах Змеинкинского и Калмакского могильников X—XIII вв. юга Западной Сибири, представляющих многокомпонентный по своей сути среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов, выделен второстепенный культурный элемент, выраженный в присутствии остатков полного (то есть, до состояния кальцинированности костей) сожжения лошади на стороне. Захоронения человека, за единичными исключениями, совершены в могильниках в форме полного трупосожжения на стороне.

Остатки сожжения лошади в виде восьми скоплений мелких кремированных костей располагались в семи курганных комплексах.

Остатки сожжения лошади зафиксированы в одном курганном комплексе одним скоплением, исключая курган 3 Калмаков с дву-

мя скоплениями. Размеры скоплений (в супеси серого цвета) от 0,8 x 0,48 м до 1,65 x 2,0 м, мощность от 5-6 до 12-15 см. Каких-либо особенностей в их ориентации и размещении по сторонам света не отмечено. В четырех скоплениях встречен инвентарь, относительно которого в двух случаях можно сказать как о пребывавшем в огне. Osteологические определения, выполненные П.А.Косинцевым, позволяют говорить о том, что все случаи остатков сожжения лошади (за исключением анатомически неопределенного скопления между курганами 13 и 15), содержат кальцинированные фрагменты черепа и конечностей, а также неопределенные костные обломки. Антрополог В.А.Дремов отмечает во всех рассматриваемых объектах отсутствие костей человека, исключая курган II: в его скоплении костей лошади найдены кальцинированная фаланга и два корня зуба человека.

Реконструировано, что кремация человека и кремация лошади представляли отдельные акции ритуала. Скопления кремированных костей лошади помещали в курганный комплекс как во время погребения остатков трупосожжения человека (зафиксированы под насыпью кургана), так и после (обнаружены в околокурганном пространстве, около курганной яме, на насыпи). Наличие инвентаря в сожжениях лошади позволяет определить их как своеобразные сопроводительные захоронения животных, а не остатки погребальной и поминальной тризн.

В поисках культуроэтнической привязки признак сожжения лошади коррелирован с другими признаками курганных комплексов. Так, остатки кремации лошади встречены в курганных комплексах второй половины XI-XIII вв. На раннем этапе среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов конца X - первой половины XI вв. они не зафиксированы. Установлена устойчивая связь между полным сожжением человека с вещами и полным сожжением лошади на сторонах. В курганных комплексах присутствие остатков кремации лошади устойчиво сочетается с находками необожженных костей лошади (нижние челюсти, кости конечностей, ребра, позвонки), которые можно интерпретировать как следы погребальной и поминальной тризн.

В средневековых памятниках ближайших к Причудльмью регио-

нов сожжение лошади автору по публикациям встретились в единичных случаях – в Минусинской и Кузнецкой котловинах. По материалам могильника Тепсей – III (могила 9) IX–X вв. выделен редкий тип погребений, для которого характерно трупосожжение человека с сожжением коня на горизонте, со сбруей, оружием (Худяков Ю.С., 1980, с. 202). В могильнике Маркелов Мыс-I (курган 5) УП–IX у р.п. Новоселово зафиксировано погребение мужчины с конем: "череп и шея коня, а также вся верхняя часть скелета погребенного подвергались сильному действию огня и сохранились очень плохо" (Тетерин Ю.В., 1992, с.25). В могильнике Маркелов Мыс-2 (курган 10) УЩ–IX вв. в захоронении "труп человека и туша животного сгорели почти полностью; в отношении этого погребения можно говорить о трупосожжении в могильной яме" (Митько О.А., 1992, с. 47). В Кузнецкой котловине в могильнике Ур-Бедари в кургане 77 могиле I IX–X вв. на горизонте и в материковой яме М.Г.Елькин зафиксировал остатки кремации "из сильно обуглившись костей лошади и человека" размерами 8,4 x 3,87 м, толщиной 2–4,5 см (Илюшин А.М., 1990, с. 46).

В письменных источниках упоминание о сожжении лошади и сожжении человека присутствует в частоинтерпретируемом сюжете китайской династийной хроники Таньшу (XI в.) применительно к тюркам-тугю: "...В избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время в могилу" и далее (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230). Соответствие письменных данных чулымским археологическим материалам частичное: сожжение человека вместе с вещами на стороне от места последующего захоронения, сожжение лошади (на Чульме – изолированно от человека) также на стороне, сбор остатков кремации.

Присутствие сожжения лошади в погребально-поминальном обряде памятников X–XIII вв. Чульма генетически может быть связано с тем культурным компонентом, который обращен в письменном источнике и органично вписался в систему погребально-поминальной обрядности кыргызов, предполагающую использование огня. Также истоки происхождения чулымских сожжений лошади

могли сформироваться на стыке культуры кыргызов с носителями культур, практикующими обряд захоронения с целым конем или с его черепом и конечностями, без применения огня.

Так, культурное заимствование у кыргызов могло появиться в результате их взаимоотношений с древними тюрками. По мнению Ю.С.Худякова, упоминавшееся погребение могильника Тепсей-III свидетельствует об ассимиляции кок-тюрков Второго Восточно-Тюркского каганата в кыргызской среде и об их переходе на обряд трупосожжения после проникновения в Минусинскую котловину во время похода 7II г. (Худяков Ю.С., 1980, с. 159). Подобные процессы, протекавшие в Минусинской и Кузнецкой котловинах, могут фиксироваться и материалами могильников Маркелов Мыс-I, 2, Ур-Бедари.

Трансформация обряда погребения с конем или его разновидностей могла быть связана и с распадением в начале II тыс. н.э. кимако-кыпчакского объединения и последовавшим за этим перемещением в XI в. отдельных групп населения на его северную периферию, в Западную Сибирь. В сопредельном с Причутьем Томском Приобье, в басандийской культуре XI-XIV вв. значителен процент захоронений воинов-всадников (Цетнева Л.М., 1993, с. 42-43). Стабильное и главенствующее положение кыргызов в X-XIII вв. на Среднем Чулыме могло повлиять на изменение обряда трупоположения с конем (или с головой и конечностями коня) у какой-то небольшой группы населения, пришедшей в начале II тыс. н.э. с юго-запада, на обряд сожжения человека и сожжения коня. Кыпчакский компонент, компонент сrostкинской культуры в Змеинкинском и Калмакском могильнике фиксируются и по инвентарным комплексам.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. -М, -Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 383 с.

Илюшин А.М. Погребение по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г.Елькина в 1965 году) //Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. с. 46-61.

